

УДК 821.161

<https://elibrary.ru/kkpmrc>

«СВЕТЕ ТИХИЙ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Поддячая Нелли Анатольевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологических
и церковно-практических дисциплин
Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3.
E-mail: nellicentr@yandex.ru

Для цитирования: Поддячая Н. А. «Свете тихий» в контексте русского православного мировоззрения. DOI: 10.51216/2687-072X_2026_1_216–235. EDN: KKPMRC // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2026. № 1 (34). С. 216–235.

Аннотация

Статья посвящена семантическому и лингвокультурному анализу песнопения «Свете тихий» как ключевого элемента православного вечернего богослужения. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся проблемой непонимания церковнославянских текстов прихожанами и дискуссиями о целесообразности их перевода на современный русский язык без учёта русского православного мировоззрения. Научная новизна исследования заключается в применении комплексного подхода при сравнении переводов гимна «Свете тихий» на русский и церковнославянский языки.

В работе применены: дискурсивный анализ, который позволил выявить особенности восприятия текста в контексте богослужебной традиции; структурный анализ, помогающий раскрыть трёхчастную композицию гимна (обращение, нарратив, славословие) и его поэтическую организацию; сравнительный метод, выявляющий расхождения между церковнославянским оригиналом и русскими переводами на фонетическом, лексическом, грамматическом и образно-символическом уровнях.

В результате исследования показано, что перевод гимна «Свете тихий» на русский язык ведёт к утрате богословской глубины, поэтической звукописи и национально-культурных смыслов, заложенных в церковнославян-

ский текст и развитых русской традицией. Были выявлены существенные расхождения в составе текстов на уровне фонетики, лексики, смыслового содержания и грамматики. Автор приходит к выводу: для преодоления непонимания богослужебных текстов необходим не перевод, а прояснение смыслов через углубление в систему образов русского православного мировоззрения, что сохраняет духовную целостность и эстетическую выразительность древнего песнопения.

Ключевые слова: гимн; богослужебная традиция; церковнославянский язык; песнопение «Свете тихий»; русский язык.

Финансирование: данное исследование не получало внешнего финансирования.

Введение

Суровым напоминанием являются слова святителя Иоанна Златоуста: «Многие входят в церковь, совершают тысячи молитв и выходят, сами не зная, что говорили: уста движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы её услышал Бог?» (Иоанн Златоуст, 2004, с. 487).

Обоснование актуальности исследования. Гимн «Свете Тихий» – это очень древняя благодарственная песнь. Профессор Михаил Николаевич Скабалланович, русский православный богослов, экзегет и литургист, обнаружил истоки этой молитвы в эфиопской редакции «Египетских церковных канонов» (Толковый Типикон, 2004, с. 559), относящейся к первой трети III века. Не позднее XII века гимн «Свете тихий» вошёл в состав славянского церковного богослужения¹.

На протяжении почти двух тысячелетий текст гимна «Свете тихий» постоянно развивался: выстраивание догматического смысла вело к развитию всех систем языка (фонетической, грамматической, образно-символической и др.). «Свете Тихий», переведённый с греческого на церковнославянский язык в эпоху раннего Средневековья, не только стал частью русской церковной культуры, но и ока-

¹ Упоминание о столь раннем употреблении в «Монастырском уставе Софийского собора» нашёл русский филолог-славист, этнограф, палеограф Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). См.: *Срезневский И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) : общее повременное обозрение. Изд. 2-е. Санкт-Петербург : Тип. Импер. Академии наук, 1882. IV, 390 ст.

зал влияние на народное сознание. Текст песнопения и образ «света тихого» является предметом осмысления и толкования в светской литературе с XVII века (К. Н. Батюшков, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Ф. Н. Глинка, Ф. И. Тютчев, Н. А. Клюев, А. А. Бестужев-Марлинский, И. А. Бунин, М. И. Цветаева...).

Несмотря на обилие исследований языка православных богослужений, проблема понимания церковнославянских текстов остаётся актуальной [Проблемы перевода богослужения..., 2025]. Пути её решения могут быть разными: переводы на русский язык, чтение с толкованиями. Сложилась традиция, что все непонятные тексты переводят и комментируют, сверяясь с греческими источниками, без учёта русского православного мировоззрения. Такая практика утвердилась со времён Афоно-тырновской книжной sprawy конца XIII – XIV в. В филологическом трактате «Сказание о письменах» (ок. 1424–1426) Константин Костенечский обосновал необходимость построения церковнославянского языка по модели греческого. В XVII веке языковая ситуация Московской Руси вновь «подверглась массивированному культурному влиянию юго-западной традиции, т.е. диалектов, попавших под влияние Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой» [Захарова, 2019, с. 52].

Однако история русского языка помнит, что пренебрежение к отечественному наследию и преклонение перед зарубежной культурой приводило к многочисленным искажениям богослужебных текстов и книжным справам, что нередко заканчивалось расколами в обществе (Книжная справа, 2019, с. 122–134). Наши первоучителя, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, создатели первого общеславянского литературного языка, переводили не просто слова, а христианское учение, с поправкой на мировоззрение и потенциальные возможности славянских народов.

Молитва «Свете тихий» подкупает своей красотой и ясностью. Однако за внешней простотой скрывается целый пласт лексических тайн и глубоких смыслов.

Цель исследования заключается в раскрытии смысла вечернего песнопения «Свете тихий» в контексте русского православного мировоззрения.

Научная новизна работы состоит в применении комплексного подхода при сравнении переводов гимна «Свете тихий» на русский и церковнославянский языки.

В работе использованы: дискурсивный анализ, позволивший идентифицировать лингвистические особенности понимания текста древнего христианского песнопения в контексте русского православного мировоззрения; структурный анализ, позволивший рассмотреть различные аспекты поэтического текста как единого целого, и сравнительный метод.

Основная часть

Гимн «Свете тихий» является древнейшей христианской песнью и неотъемлемой частью вечерни. В трактате святителя Василия Великого «О Святом Духе», написанном около 375 г., читаем: «И не можем сказать, кто виновник сих речений светильничного благодарения, по крайней мере народ возглашает древнюю песнь, и никто не признавал нечестующими тех, которые произносят: хвалим Отца и Сына и Святаго Духа Божия [Сноска у Василия Великого: Слова сии в вечерней песне: Свете тихий, читаются так: Поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога. – Н. П.]. А если кому известна и песнь Афиногена, которую он вместо предохранительного врачевства оставил ученикам своим, когда сам поспешал уже ко всеожжению; то он знает, какое мнение о Духе имели мученики» (Василий Великий, 2008, с. 162). Подобно народным песням, авторство этого гимна, исполняющегося за богослужением более 15-ти веков, забыто. Профессор Киевской духовной академии М. Н. Скабалланович, обращая внимание на многосоставность песнопения, предположил, что это могло быть коллективное творение Церкви (Скабалланович, 2004, с. 558–560). В греческом Часослове имеется указание на народность и возможное авторство Афиногена, еп. Севастийского (311 г.): «...творение древнее или, как некоторые говорят, Афиногена мученика». В славянском Часослове песнь приписывается святителю Софронию, Патриарху Иерусалимскому (634–644 гг.). Однако при нём гимн уже имел церковное употребление, на что указывал сам святитель Софроний. Святитель Василий Великий, как сказано выше, упоминал о светильничном благодарении двумя веками ранее. В иных изданиях Часослов надписывает это песнопение как «творение древнее» – без уточнения конкретного автора. На это же указывают и современные учебные пособия. В частности, архиепископ Аверкий (Таушев) подытоживает литур-

гические исследования гимна так: «Он есть типичная христология II или III веков и имя автора неизвестно» [Аверкий (Таушев), 2025]. Таким образом, достоверное авторство песнопения не установлено, так как авторов могло быть несколько. Вполне возможно, только к VII веку Патриарх Иерусалимский Софроний собрал воедино ныне существующий гимн «Свете тихий», который Церковь бережно и с любовью сохраняет до настоящего времени: «Отцам нашим заблагорассудилось не в молчании принимать благодать вечернего света, но при явлении его тотчас благодарить... Отца, Сына и Святого Духа» (Василий Великий, 2008, с. 162).

Расположение «Свете тихий» за богослужением даёт ключ к пониманию этого гимна. «Свете тихий» и «Господи, воззвах» являются самыми главными, существенными, самыми древними и идеологически нагруженными частями вечерни. Звонят колокола, открывают Царские врата, и видно, как в тишине и темноте совершается каждение алтаря, символизирующее веяние Святого Духа, предшествующее бытию мира: «И Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Далее предначинательным 103-м псалмом ведётся рассказ о сотворении мира. Чтение мирной ектеньи и Псалтири заставляет вспомнить о ветхозаветных временах, грехопадении и желании встречи с Богом. Кульминация вечерни – совершение входа с кадилом, но не в темноте и тишине, а со светом впереди несомых свечей и песней «Свете тихий», исполняемой во время пения богородична на «Господи воззвах». В этих песнопениях соединяется ветхозаветное ожидание Невечернего Света с новозаветным исполнением. Священномученик Киприан Карфагенский писал о смысле вечернего богослужения: «Опять необходимо молиться при захождении солнца, к концу дня. Молясь же в конце дня и прося при захождении солнца, да придет на нас снова свет, мы испрашиваем пришествия Христова, которое имеет подать нам благодать вечного света, потому что Христос есть истинное солнце и истинный день» (Киприан, 2025).

Гимн «Свете тихий» – это благодарность молящихся за возможность видеть свет Христа в момент, когда весь окружающий мир охватывает ночная тьма. Структура песнопения распадается на три самостоятельные части, которые можно рассматривать как отдельные песни, раскрывающие суть учения о Богочеловеке Иисусе Христе.

Первая часть светильничного благодарения звучит так: *Свѣтъ тихій свѣтъ славы, везмѣртнаго оца небнаго, свѣта блженнаго, иже христѣ.* / Иисусе Христе, Тихий (ясный, радостный) Свет святой славы Бессмертного Отца Небесного, Святого Блаженного! (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. П.). В этой части песнопения мы обращаемся к Иисусу Христу как к Свету: *Иже христѣ, свѣтѣ* – слова стоят в звательном падеже². Обращение к Сыну Божию построено так, чтобы высветить догматическую истину о предвечном рождении Сына от Отца. Свет (обращение) (какой?) Тихий, но свет не сам по себе, а Свет (кого? чей?) Бога Отца и (кого?) Его славы: «Бог есть Творец, Он творит вечно, Сын рождается Отцом именно для того, чтобы быть посредником при творении, а следовательно, и само рождение Сына нужно мыслить предвечно» [Давыденков, 2017, с. 161]. В Евангелии от Иоанна Иисус Христос говорит: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12).

Прилагательное *тихий* характеризует основной признак пришедшего в мир Света: непринудительность и кротость. Стремление полностью перевести песнопение на русский язык заставляет исследователей искать самые верные варианты в других языках. Тем самым за скобками остаётся сложившаяся система образов и символов конкретного народа, которая формируется «как наложение национального образа на христианский символ» [Колесов, 2002, с. 200]. И вместо понятного для русского человека слова *тихий* находят в греческом варианте слово *ilaron* – «весёлый, радостный, радушный, доброхотный» (Греческий словарь Стронга, 2025), или «*Φῶς ἰλαρόν* “Свет отраднѣй”» [Сушкова, 2010, с. 107], что является продолжением древних греческих языческих традиций торжественного воспевания богов солнца. Видя большую разницу между славянским словом и переводом с греческого, исследователи продолжают переводить, но уже со славянского на русский (мягкий, снисходительный, тишайший, утешительный), и часто останавливаются свой выбор на слове «утешительный». О. А. Седакова, филолог, поэт, переводчик и автор «Словаря трудных слов из богослужения», считает, что эту фразу «Свете тихий» нужно перевести как «утешный свет» [Седакова, 2024, с. 345]. Конечно, можно

² Обращение в русском языке, как правило, стоит в именительном падеже. – *прим. авт.*

обратиться ко Христу как Свету утешительному (или утешному), но тогда необходимо объяснять наполнение данного определения через историю слов «утешить», «Утешитель». К сожалению, процесс десакрализации в современном обществе продолжается, что неизменно отражается в языке: «Нередко стилистически маркированные элементы с упоминанием имени Бога превращаются в речи верующих от частоты употребления в своеобразные междометия, тем самым подвергаясь десакрализации (утрате первоначального смысла)» [Грудинина, 2023, с. 218]. Более того, именно в церковном обиходе «возникают неуместные иронические контексты, вольные и искаженные трактовки фрагментов Священного Писания и богослужебных текстов, что, безусловно, следует рассматривать как негативную тенденцию современной церковной коммуникации...» [Грудинина, 2023, с. 219]. Также в настоящее время «высказывают мнение о необходимости адаптации языка к современным реалиям и уровню понимания современных прихожан» [Архипов, 2025, с. 147]. Однако слово «утешительный» сейчас воспринимается как «приносящий успокоение, облегчение, служащий утешением», а слово «утешный» – как «занятный, забавный, способный развлечь, утешить, порадовать». На самом деле «настоящее утешение – не просто успокоение, а истинная помощь – исходит только от Бога (Ис. 57, 18); Он есть «Бог всякого утешения» (2 Кор. 1, 3; ср. Рим. 15, 5)» (Энциклопедия Брокгауза, 2009, с. 996). Удобнее оставить слово «тихий» без дополнительных переводов, наполнив его ранее имеющимися значениями – например, через утреннюю молитву Василия Великого «Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти...», где описаны свойства Света «*оу негѡже нѣсть премѣненїе, илї преложїнїа ѡбѣненїе*» («у которого нет изменения и перехода в тень»). Или, например, через знамение пророка Или: «но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (см.: 3 Цар. 19, 11–12). В отличие от солнечного света, Он не становится ярче, бледнее, Он не отбрасывает тень. Он всё освещает, и ничто не может от него укрыться. В Большом толковом словаре русского языка есть несколько подходящих по смыслу значений слова «тихий»: «где нет шума, большого движения, суеты, без волнений и тревог, безмятежный» (Большой толковый словарь..., 2003, с. 1325).

Важно помнить и о поэтической составляющей перевода, где замена слов – и даже их формы – ведёт к разрушению звукового рисунка. Молитва «Свете тихий» будто словесная икона, только краски её – это звуки. Повторяющийся звук «с» в самом начале гимна «Свете тихий святых Славы...» рисует свет, сияние, силу, устремлённость, поиски смысла. Сияние не превращается в безжалостное, всё иссушающее полуденное солнце – смягчённый звук «т» в «свете тихий, Христе» превращает свет в мягкий, щадящий, радующий глаз. Все согласные звуки глухие, мягкие, кроме «с»; открытые слоги (заканчивающиеся на гласные звуки) усиливают эту картину. И на этом фоне звук «х» – как лёгкий ветерок, который успокаивает измученные зноем тело и душу пришедших «на запад солнца». При переводе звуковой рисунок ломается. Если посмотреть перевод О. Седаковой – «утешный свет», то услышим, что большая часть согласных звуков твёрдая, слоги закрытые. Гласный звук «у» напоминает завывание ветра. Согласный звук «ш» передаёт шум ветра, тревожность. Закрытые слоги и чередование твёрдых-мягких согласных завершают образ «света» качествами непостоянства и конечности.

К Христу обращаемся как к Свету, однако Он не сам по себе – это Свет Бога Отца, о котором мы слышали в начале службы: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатёр» (Пс. 103, 2). Это Свет первого дня Бытия: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью... И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 3, 5). Таким образом, Христос, пришедший в мир, не ослепляет Своей славой, а тихо просвещает, являясь отражением славы Бессмертного Отца.

Божественные свойства Бога Отца, указанные в первой части гимна, относятся здесь и ко всем Лицам Святой Троицы: Бессмертный, Небесный, Святой, Блаженный.

Бессмертный – данное прилагательное с приставкой «Без-» обозначает отрицание свойств смертности, не присущих Божественной природе. Здесь используется приём описания через отрицание, потому что «Божественная сущность непознаваема, и человеческий язык не способен выразить полноту Божественного совершенства» [Давыденков, 2017, с. 98].

Небесный, Святой, Блаженный – это высказывания о Боге, раскрывающие Его природу. Данные характеристики отражают вечные

Божественные силы и действия Бога [Давыденков, 2017, с. 105]. «Небесный» указывает на пребывание Бога в Небесном Царстве, в невидимом духовном мире вместе со всеми святыми. Святой, Блаженный – два главных связанных друг с другом свойства жизни Божией.

«Сѣ́тъя сла́вы» («Святой славы»). Бог – источник и основание славы, обладатель и хозяин славы. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...» – прославляли шестикрылые Серафимы Господа, сидящего на Престоле. Значение слова «святой» менялось со временем. Лингвисты, философы и культурологи, обсуждая вопрос о древнейшем значении слова, как правило, придерживаются гипотезы В. Н. Топорова, в соответствии с которой значение общеславянского корня *-свят-* определяется как что-то «исполненное силой, могущественное». В эпоху славянского язычества слово «святой» обозначало качество сверхъестественного существа, т.е. «сильный, крепкий, могучий, непоколебимый, стоящий на границе мира действительного и мира магии». В том же значении использовалось данное слово в славянских именах дохристианской эпохи: Святополк, Святослав, Святозар и былинный Святогор. Равноапостольные Кирилл и Мефодий создали первый общеславянский литературный язык, учитывая культурные особенности новой паствы, и значительную часть языка составили славянские по происхождению слова, получившие новые христианские значения. Поэтому теперь мы понимаем под словом «Святой» Свойство Бога: отделённость и превосходство над всем творением, совершенная непричастность злу и абсолютное совершенство: «Бог в Своих стремлениях определяется и руководствуется представлениями об одном высочайшем добре; так как Бог чист от греха и не может согрешить, то Он любит в творениях добро и ненавидит зло» [Давыденков, 2017, с. 117].

В христианском вероучении *блѣ́жннѣй* (благодать) рассматривается как присущее природе Бога свойство. Благодать выражается в таких качествах, как милость, благодать, любовь, верность, готовность прощать и праведность. Это качество неизменно, у него нет ни начала, ни конца. В древнерусском языке слово «болого» (полногласный вариант от неполногласного «благо») «выражало идею хорошего, самого лучшего, отличного. В “Слове о полку Игореве” *не бологомъ* – не к добру, а книжная форма *благо* не употребляется... потому что слово *Благо* связано с обозначением Божественных сил и энергий» [Колесов, 2002, с. 289]. В современных словарях рус-

ского языка это значение полностью исчезло. Статья этимологического словаря сообщает, что слово «блаженный», заимствованное из старославянского языка, являлось страдательным причастием от слова «блажити» (почитать, хвалить), суффиксально производного от слова «благо». Первоначальное значение – «почитаемый», затем – «святой» и, наконец, «юродивый, глупый» (юродивые раньше считались святыми) (Школьный этимологический..., 2025). Видимо, окончательный вывод таков: те, кого раньше считали святыми, сейчас воспринимаются глупыми.

Рассматривая слово «блаженный» в контексте Священного Писания, мы находим два значения: одно в отношении Бога, другое в отношении человека.

Бог сам является блаженным и единым сильным: «Блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15, 11). Для человека понятие блаженства связано с жизнью с Богом и исполнением Его воли: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь» (Пс. 1, 1–2). Протоиерей Олег Давыденков пишет: «Любовь к благу в Боге совпадает с самим его обладанием, а следовательно, Богу от вечности свойственно неизменное всеблаженство» [Давыденков, 2017, с. 122].

Для дальнейшего рассмотрения этого песнопения надо помнить, что есть свет первого (о нём сказано выше) и четвёртого дня творения: постоянно изменяющиеся солнце и луна. Они появились только на четвёртый день творения, после неба, суши, моря, трав и деревьев: «И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днём, и светило меньшее, для управления ночью... И увидел Бог, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день четвёртый» (Быт. 1, 16–19).

Второй фрагмент гимна в буквальном понимании говорит о завершении дня и благодарном воспевании Бога за прожитый день: Прише́дше на за́падъ со́лнца, ви́дѣвше свѣтъъ ве́черній, поёмъ о́ца, сѣа и сѣагъо дѣа бѣа. / Мы, доживши до солнечного заката и увидевши вечерний свет, прославляем Отца, Сына и Святого Духа Бога.

Основные действия выражены рядом глагольных форм: глаголом и двумя причастиями.

Поёмъ – глагол несовершенного вида, 2 лица, множественного числа, настоящего времени, выполняет функцию сказуемого. Пе-

ред нами односоставное определённо-личное предложение. Форма сказуемого сообщает, что действие производим «мы» («мы поём»). Употребление данной формы глагола каждый раз актуализирует общение всех поющих и предстоящих с Богом.

Пришѣдше, видѣвше – краткие действительные причастия прошедшего времени в именительном падеже множественного числа, которые согласуются с выведенным из глагола подлежащим «мы» в числе и падеже и поясняют сказуемое (то есть мы сначала, увидев, пришли, и потом поём).

Греческое восприятие образов «света вечернего» и «запада», подготовленное длительной литературной и народной традицией, – это конец, закат жизни. Эти образы находятся в оппозиции «Свету радостному». В славянском прочтении «свет вечерний», «запад», «Свет тихий» дополняют друг друга: мы, пришедшие в конце дневного (или жизненного) пути (может быть, даже после долгих блужданий), увидев «свет вечерний» (не обжигающий, обличающий), воспеваем Тебя как «Свет тихий» (надеемся не на суд, а на милость).

Фразу «[мы], пришѣдше на зѣпад солнца» можно понимать в нескольких аспектах. Исходя из буквального прочтения, переводим: «Мы пришли при закате солнца», или метафорически «при закате жизни». Исходя из этимологии слова «запад», являющегося производным от общеславянского глагола «запа́дати», то есть «место, где солнце западает за горизонт», можно выстроить другой образ: «Солнце (как источник света четвёртого дня творения) стало иссякать, и мы пришли, увидели свет вечерний (свет первого дня творения) и воспеваем». Рассмотрев понятия «запад», «движение на запад» в библейском контексте, получим новое понимание.

В Ветхом Завете слова «восток» и «запад» обозначали не только названия частей света, но и символический характер направления движения: на восток – вперёд; на запад – назад. В первых главах Бытия движение на восток связано с рядом катастроф, таких как первое кровопролитие: «И пошёл Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема» (Быт. 4, 16). Первое путешествие в западном направлении, связанное с надеждой, совершает Авраам, повинуясь Богу. Он покидает Ур и перебирается в Ханаан (Быт. 11, 31). «Когда Божий народ оказался в Ханаане, движение на запад стало означать процветание и благословение, в отличие от движения обратно, на восток (Быт. 13, 11–13), которое Авраам

категорически запрещает (Быт. 24, 6)» (Словарь библейских образов, 2022, с. 362–363). Согласно Писанию, Вифлеемская звезда двигалась по небу с востока на запад и остановилась прямо над местом, где находился Младенец, указав волхвам дорогу (Мф. 2:2, 5, 7). Таким образом, *прише́дше на за́пад* – это возвращение из изгнания и это путь волхвов, следующих за Вифлеемской звездой, то есть «мы, возвратившиеся из изгнания, увидев спасительный Свет Христа, воспеваем». В труде «Послание к римлянам» святитель Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский (ум. в 107 г.) говорит о его призвании с востока на запад: «...воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с востока на запад. Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтоб в Нём мне воссиять» (Игнатий Богоносец, 1978, с. 123).

Итак, рассмотрев вторую часть гимна, можно отметить ту же закономерность: перевести можно, но глубокое понимание приходит только через углубление смыслов уже известных слов, символов.

И последняя часть песни: *Достѡнна ѣси во всѣ времена ꙗ́вляи ꙗ́кшии гласы прѣбываи, сѣи ꙗ́вляи, живѡтъ да́и: ꙗ́кже ми́ръ ꙗ́ко сла́витъ.* / Тебя, Сыне Божий, следует воспевать во все времена голосами святых людей, ибо ты всему подаёшь жизнь; поэтому Тебя прославляет вся Вселенная.

Перед нами вновь односоставное определённо-личное предложение с обращением «*сѣи ꙗ́вляи*», стоящим в звательном падеже. Форма глагола *ѣси* (глагол «*ꙗ́вити*» в настоящем времени в ед. ч. 2-м лице) при переводе помогает найти подлежащее «ты». Употребление такого вида предложений придаёт песнопению лаконизм и динамичность, помогает сконцентрироваться на действии, в данном случае благодарения.

В словосочетании *живѡтъ да́и* главное слово «*да́и*» – полное действительное причастие настоящего времени стоит в мужском роде, единственном числе и именительном падеже, на русский язык переводится как «дающий». Причастие «*да́и*» в связке с глаголом «*ѣси*» образует конструкцию «описательного времени», которая смещает внимание с действия на неизменность свойства: Тот, который является Подателем жизни. В русском переводе спрягаемая форма глагола «даёшь» говорит больше о действии. Зависимое слово «*живѡтъ*», существительное в винительном падеже единственного числа, чаще всего переводят словом «жизнь». Полностью словосочетание

в варианте учебного перевода предлагают переводить как «подаёшь жизнь». Видимо, предполагается, что слово «живот» непонятно широкой аудитории. Однако в русском языке есть хорошо известное выражение «не щадя живота своего», и люди понимают его смысл. В церковнославянском и древнерусском языке существовали три слова: «живот», «жизнь», «житье», что соответствует трём составляющим человека: духу, душе и телу. По словам В. В. Колесова, слово «“живот” обозначало “физическую жизнь” и было связано временными пределами существования, а “житье” употреблялось по преимуществу как “нравственная, духовная жизнь”. В переводных текстах лексема “жизнь” являлась высокой, торжественной и обозначала жизнь духовную, небесную. Все значения, связанные с жизнью физической, земной, по принципу отталкивания постепенно сосредоточились вокруг слова жи́вѣтъ. Многозначность указанного слова требовала уточнений в контексте, поэтому произошло сужение семантического объема: от значения “жизнь вообще” к значению “срок земной жизни”, а отсюда к обозначению “рабочего механизма – желудка”, органа, который... больше других определяет физическое существование живого существа» [Колесов, 1986, с. 39–44].

В заключительной части наиболее трудным для понимания может показаться сочетание глагола жыти с кратким страдательным причастием прошедшего времени ꙗ́вѣтъ. Эта конструкция образует описательное время, которое показывает непрерывность действия, а также состояние деятеля в определённый промежуток времени. Господь Иисус Христос является подателем жизни: «Я есть путь, истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). И поэтому Ты достоин, чтобы воспевали Тебя как дающего жизнь сейчас, в прошлом и в будущем; и здесь, и там, где нет времён. Такой оборот на русский язык чаще всего переводится глаголом несовершенного вида.

Ты достоин воспеваться «глаго́лы прѣ́кными». Словосочетание состоит из главного слова «глаго́лы» – церковнославянизма, характеризующегося неполногласием и имеющего полногласное соответствие в русском языке – «голос» (звук, голос), и зависимого слова – «прѣ́кными». В настоящее время слово «преподобный» осознаётся как определение, прибавляемое к именам монахов и пустынников, почитаемых святыми (Ожегов, 2005, с. 573), но мы воспеваем, хотя к ним

не принадлежим. Разрешить данную коллизию можно, вспомнив Священное Писание, где апостол Павел в Послании к Тимофею говорит о том, как надо благодарить Бога: *воздѣюще прѣбныя рѣки безъ гнѣва и размышлѣнія* (воздевая чистые руки (в молитве) без гнева и сомнения) (1 Тим. 2, 8). В словаре О. А. Седаковой тоже находим: *прѣбный* – «благочестивый, чистый благоприятный, счастливый, прекрасный, святой» [Седакова, 2024, с. 265]. То есть здесь речь идёт не обязательно о голосах святых, монашествующих, но и о голосах чистых, благочестивых людей, возносящих благодарность Богу.

Заканчивается гимн «Свете тихий» утверждением *тѣмъже мѣрѣ тѣ славитъ*.

Тѣмъже – это местоимённое наречие, которое означает «для того», «потому», «поэтому».

Слово *мѣрѣ* написано с буквой «и десятиричной», что указывает на мир как Вселенную, общество.

Краткое личное местоимение 2-го лица единственного числа *тѣ* стоит в винительном падеже и переводится на русский как «тебя». Получается: «Поэтому мир Тебя славит».

Солнце, поднявшись с востока, заканчивает свой путь на западе. По представлениям верующих, достигнув его, христиане видят утешительный свет и воздают хвалу своими прекрасными голосами Пресвятой Троице и, в частности, Сыну Божию, за прожитый день (жизнь).

Заключение

Раскрывая смысл гимна в контексте русского православного песнопения, приходим к выводу, что тексты, написанные и переведённые святыми людьми, требуют не перевода, а прояснения смыслов.

Структурные особенности данного песнопения (обращение к Богу, величание, воспевание Его) позволили определить его жанр как гимн, молитву к Господу Иисусу Христу. По содержанию это молитва благодарственная, хвалебная. Структура гимна сложная, трёхчастная (обращение, нарративный элемент, славословие).

Молитву можно сравнить с иконой. Иконописец, работая над изображением лика, использует метод «высветления», накладывая на начальный тёмный фон слои всё более и более светлой краски – «свет». Так и в нашем случае: от полной тьмы непонимания

священных текстов, через общую атмосферу исполнения гимна во время богослужения, прояснение отдельных церковнославянских слов и понятий, восходим к просвещению.

Перевести тексты можно, но они теряют красоту и духовную глубину и зачастую остаются непонятными для многих прихожан. Об этом постоянно напоминает Святейший Патриарх Кирилл: «*Однако* главная сложность в понимании мирянами богослужебных текстов проистекает из самого их содержания, из высоты догматического учения, поэтических особенностей и насыщенности библейскими образами, которые непросто понять тем, кто обладает поверхностными знаниями о церковном учении и о библейской истории. Поэтому важнейшая задача для священников – это через просвещение прихожан помочь им понимать содержание и смысл православного богослужения» (Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (20 декабря 2019 года)).

Список источников

1. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. [Б. м.] : Издатель О. С. Костюков, 2009. 1088, [32] с., 48 вкл. л. ил.).
2. Большой толковый словарь русского языка / Институт лингвистических исследований Российской академии наук. Санкт-Петербург : Норинт, 2003. 1535 с.
3. *Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской, свт.* О Святом Духе. К Святому Амфилохию, епископу Иконийскому // Творения : в 2 т. Москва : Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. (Полное собрание творения святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе ; т. 3). С. 93–168.
4. Греческий словарь Стронга // Азбука веры : православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/strong> (дата обращения: 01.12.2025).
5. *Игнатий Богоносец, св.* Послание к римлянам // Раннехристианские отцы Церкви : антология. Брюссель : Жизнь с Богом, 1978. С. 122–127.
6. *Иоанн Златоуст, св.* Полное собрание творений. В 12 т. Т. 12, кн. 2. Москва : Православное братство «Радонеж», 2004. 956 с.
7. *Киприан, еп. Карфагенский, сщмч.* Творения. Книга о молитве Господни // Предание.ру : сайт. URL.: <https://predanie.ru/book/67549-tvoreniya/> (дата обращения: 01.12.2025).
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под редакцией Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва : Оникс 21 век : Мир и Образование, 2005. 895 с.

9. Скабалланович М. Толковый Типикон : объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Москва : Сретенский монастырь, 2004. 815 с.

10. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. Санкт-Петербург : Библия для всех, 2022. 1423 с.

11. Школьный этимологический словарь русского языка / сост.: Н. М. Шанский, Т. А. Боброва // Наука. Искусство. Величие : портал. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-193-2.htm#zag-276> (дата обращения: 01.12.2025).

Список литературы

1. Аверкий (Таушев), архиеп. Литургика // Предание.ру : сайт. URL.: <https://predanie.ru/book/89914-liturgika/#/toc96> (дата обращения: 01.12.2025).

2. Архипов М. И. К вопросу о редактировании богослужебных текстов : (на примере перевода с греческого языка). EDN CJYISE // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 3 (24). С. 145–156.

3. Грудина Е. В. К вопросу о дифференциальных признаках религиозного стиля и его месте в стилистической системе современного русского языка. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202. EDN: HKEYAW // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 2 (23). С. 202–226.

4. Давыденков О., прот. Догматическое богословие. Москва : Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2017. 624 с.

5. Захарова М. В. История русского литературного языка : учебник и практикум. Москва : Юрайт, 2019. 261 с.

6. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. 321 с.

7. Колесов В. В. Философия русского слова. Санкт-Петербург : Юна, 2002. 444, [3] с.

8. Проблемы перевода богослужения на русский язык : академическое интервью со свящ. Георгием Кочетковым, игум. Силуаном (Тумановым), прот. Георгием Иоффе, свящ. Максимом Плякиным, К. А. Мозговым, П. С. Озерским. DOI 10.25803/26587599_2025_1_53_132. EDN WEZUGW // Вестник Свято-Филаретовского института. 2025. Т. 17, № 1 (53). С. 132–183.

9. Кузьминова Е. А. Книжная справа // Православная энциклопедия : в 75 т. / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва :

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. Т. 36.
С. 122–134.

10. *Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. 4-е изд. Москва : Практика, 2024. 424 с.

11. *Сушкова И. В.* Лексические проблемы перевода православных богослужебных текстов на русский язык. EDN MTHQSR // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 9 (52). С. 103–116.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025.

Статья принята к публикации 20.02.2026.

UDC 821.161

“O GENTLE LIGHT” IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN ORTHODOX WORLDVIEW

Nelly Poddyachaya

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Philological, Church and
Practical Disciplines

Tambov Theological Seminary

Russia, 392000, Tambov, M. Gorkogo Street, 3

E-mail: nellicentr@yandex.ru

For citation: Poddyachaya N. A. “O Gentle Light” in the context of the Russian Orthodox worldview DOI: 10.51216/2687-072X_2026_1_216–235. EDN: KKPMRC // Theological Collection of Tambov Theological Seminary, 2026, no. 1 (34), pp. 216–235. (In Russian).

Abstract

This article is devoted to a semantic and linguacultural analysis of the hymn “O Gentle Light” as a key element of the Orthodox evening service. The relevance of this study stems from the persistent problem of parishioners’ misunderstanding of Church Slavonic texts and debates about the advisabil-

ity of translating them into modern Russian without taking into account the Russian Orthodox worldview. The scientific novelty of this study lies in its use of a comprehensive approach to comparing translations of the hymn “O Gentle Light” into Russian and Church Slavonic.

The study utilizes a discourse analysis, which allows us to identify the specifics of the text’s perception within the context of liturgical tradition; a structural analysis, which helps to reveal the hymn’s tripartite composition (address, narrative, and doxology) and its poetic organization; and a comparative method, which reveals discrepancies between the Church Slavonic original and Russian translations at the phonetic, lexical, grammatical, and figurative-symbolic levels.

The study demonstrates that translating the hymn “O Gentle Light” into Russian results in the loss of theological depth, poetic sound, and national and cultural meanings inherent in the Church Slavonic text and developed by Russian tradition. Significant discrepancies were identified in the composition of the texts at the levels of phonetics, vocabulary, semantic content, and grammar. The author concludes that to overcome misunderstandings of liturgical texts, what is needed is not translation, but rather clarification of meaning through a deeper understanding of the imagery of the Russian Orthodox worldview, which preserves the spiritual integrity and aesthetic expressiveness of the ancient hymn.

Keywords: hymn; liturgical tradition; Church Slavonic language; hymn “O Gentle Light”; Russian language.

Funding: This research did not receive any external funding.

Sources

1. Bibleiskaya entsiklopediya Brokgauza. Uteshenie, uteshat’ [The Brockhaus Encyclopedia of the Bible. Consolation, to console]. *Pravoslavnyi portal “Azbyka very”* [Orthodox Portal ABC of Faith]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/4164> (accessed: 01.12.2025).

2. *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [The comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2003, 1535 p. (In Russian).

3. Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea in Cappadocia O svyatom Dukhe. K Svyatomu Amfilokhiyu, episkopu Ikoniiskomu [On the Holy Spirit. To Saint Amphilochius, Bishop of Iconium]. *Tvoreniya* [Writings]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2008, vol. 1, pp. 93–168. (In Russian).

4. Grecheskii slovar' Stronga [Strong's Greek Lexicon]. *Pravoslavnyi portal "Azbuka very"* [Orthodox Portal "ABC of Faith"]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/biblia/strong> (accessed: 01.12.2025).

5. St. Ignatius the God-Bearer Poslanie k rimlyanam [Epistle to the Romans]. *Rannekhristianskie otsty Tserkvi* [Early Christian Fathers of the Church]. Brussels, Life with God Publ., 1978, pp. 122–127. (In Russian).

6. St. John Chrysostom *Polnoe sobranie tvoreni* [Complete collection of works]. Moscow, Pravoslavnoe Bratstvo "Radonezh" Publ., 2004, vol. 12, book 2, 956 p. (In Russian).

7. Cyprian, Bishop of Carthage, Hieromartyr Tvoreniya. Kniga o molitve Gospodni [Writings. Book on the Lord's Prayer]. *Sait Predanie.ru* [Predanie.ru Website]. (In Russian). Available at: <https://predanie.ru/book/67549-tvoreniya/> (accessed: 01.12.2025).

8. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Onyx 21st Century, Peace and Education Publ., 2005, 895 p. (In Russian).

9. Skaballanovich M. *Tolkovyi Tipikon: ob'yasnitel'noe izlozhenie Tipikona s istoricheskim vvedeniem* [Explanatory Typicon: explanatory presentation of the Typicon with a historical introduction]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2004, 815 p. (In Russian).

10. Slovar' bibleiskikh obrazov [Dictionary of biblical images]. *Pravoslavnyi portal "Azbuka very"* [Orthodox Portal "ABC of Faith"]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/258> (accessed: 01.12.2025).

11. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [School etymological dictionary of the Russian language]. *Portal "Nauka. Iskusstvo. Velichie"* [Portal "Science. Art. Greatness"]. (In Russian). Available at: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-193-2.htm#zag-276> (accessed: 01.12.2025).

References

1. Averky (Taushev), Archbishop Liturgika [Liturgy]. *Sait Predanie.ru* [Predanie.ru Website]. (In Russian). Available at: <https://predanie.ru/book/89914-liturgika/#/toc96> (accessed: 01.12.2025).

2. Arkhipov M. I. K voprosu o redaktirovanii bogoslužhebnykh tekstov (na primere perevoda s grecheskogo yazyka) [On the editing of liturgical texts: (based on translation from Greek)]. EDN CJYISE *Teologicheskii vestnik Smolenskoj pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Theological Bulletin of Smolensk Orthodox Theological Seminary]. 2024, no. 3 (24), pp. 145–156. (In Russian).

3. Grudinina E. V. K voprosu o differentsial'nykh priznakakh religioznogo stilya i ego meste v stilisticheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [On

the differential features of religious style and its place in the stylistic system of the modern Russian language]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202. EDN: HKEYAW *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 202–226. (In Russian).

4. Davydenkov O., Archpriest *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. Moscow, Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities Publ., 2017, 624 p. (In Russian).

5. Zakharova M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian literary language]. Moscow, Yurait Publ., 2019, 261 p. (In Russian).

6. Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove o Drevnei Rusi* [The world of man in the word of Ancient Rus']. Leningrad, Publishing House of Leningrad University Publ., 1986, 321 p. (In Russian).

7. Kolesov V. V. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, Yuna Publ., 2002, 444, [3] p. (In Russian).

8. Problemy perevoda bogoslužheniya na russkii yazyk [Problems of translating divine services into Russian]. DOI 10.25803/26587599_2025_1_53_132. EDN WEZUGW *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta* [Bulletin of St. Philaret Institute]. 2025, vol. 17, no. 1 (53), pp. 132–183. (In Russian).

9. Kuzminova E. A. Knizhnaya sprava [Book crafts]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2019, vol. 36, pp. 122–134. (In Russian).

10. Sedakova O. A. *Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya: tserkovnoslavyano-russkie paronimy* [Dictionary of difficult words from divine services: church Slavonic-Russian paronyms]. Moscow, Praktika Publ., 2024, 424 pp. (In Russian).

11. Sushkova I. V. Leksicheskie problemy perevoda pravoslavnykh bogoslužhebnykh tekstov na russkii yazyk [Lexical problems of translating Orthodox liturgical texts into Russian]. EDN MTHQSR *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. 2010, no. 9 (52), pp. 103–116. (In Russian).

Received 10 December 2025.

Accepted for press 20 February 2026.